

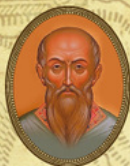
СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ РУСИ

**АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ**

**ДМИТРИЙ
ДОНСКОЙ**

**ДОВМОНТ
ПСКОВСКИЙ**

**ВЛАДИМИР
СЕРПУХОВСКОЙ**

Михаил Юрьевич Мягков
Святые заступники Руси.
Александр Невский, Дмитрий
Донской, Довмонт Псковский,
Владимир Серпуховской
Серия «Великие полководцы
России», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23398288

*Святые заступники Руси. Александр Невский, Довмонт Псковский,
Дмитрий Донской, Владимир Серпуховской: ИД «Комсомольская
правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-868-6*

Аннотация

XIII-XIV века – время героической борьбы русского народа против иноземных захватчиков. Со всех сторон на Русь приходили враги, стремясь поработить ее народ, но всегда были биты. Река Нева, Чудское озеро, древний Псков, Куликово поле – названия этих мест вписаны золотыми буквами в военную историю России. Против врага, на ратный подвиг русских вели полководцы, прозванные потомками святыми заступниками Руси. Александр Невский, князь Довмонт, Дмитрий Донской,

Владимир Серпуховской – вы сможете постичь их образы, раскрыв очередную книгу.

Содержание

Невский Александр Ярославич	6
«Два Александра»	8
Русское пространство в IX – начале XIII вв	11
Глобальные перемены на Востоке	21
Западноевропейская экспансия в Прибалтике и русские земли	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Святые заступники Руси. Александр Невский, Довмонт Псковский, Дмитрий Донской, Владимир Серпуховской

Редактор *кандидат исторических наук Н. А. Копылов*

Редактор-составитель *доктор исторических наук М. Ю.*

Мягков

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

© ИД «Российское военно-историческое общество», 2014

год.

Невский Александр Ярославич

«Два Александра»

Александр Невский – весьма разноплановый персонаж русской истории. Это и реальный политик XIII в. – князь Александр Ярославич, представитель владимиристо-суздальской ветви Рюриковичей-Мономаховичей, который при жизни не носил прозвание Невского. Это и эпический Александр Невский, который в XIV–XVIII вв. постепенно превращался в символ российской национальной и государственной идентичности. Причем образ последнего, эпического Александра Невского в разные эпохи трактовали по-своему, и даже XX столетие сумело внести свой значительный вклад в мифологизацию легендарного двойника князя. (Вспомним прекрасный фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский».)

БОЛЬШОЙ ЗВУКОВОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Афиша к фильму С. Эйзенштейна «Александр Невский».

Поэтому, когда речь заходит о князе Александре, очень важно обозначить, о каком Александре пойдет речь. В нашем очерке будем говорить об «изначальном Александре», реальном политике и талантливом полководце XIII в., которому выпала доля жить в сложное и трагическое для русской истории время. Это время определило логику и границы деятельности князя Александра Ярославича.

Сражения и победы

Князь Новгородский, великий князь Киевский, великий князь Владимирский. Выдающийся русский полководец и государственный деятель.

Его победы в Невской битве и в битве на Чудском озере принесли ему посмертную славу, которая превзошла прижизненную известность князя. Образ святого князя Александра Невского, защитника православной веры, рос от столетия к столетию...

Прежде чем анализировать политику Александра, как, впрочем, и любого из значительных современников этого князя, например, его отца – Ярослава Всеволодовича Переяславль-Залесского, а потом Владимиро-Суздальского, или князя Даниила Романовича Галицкого, надо хотя бы кратко ознакомиться с тем, что собой являл к XIII в. русский мир, а также в каких отношениях со странами Востока и Запада он находился. 1230–1260-е гг. являлись эпохой значительных цивилизационных изменений, изменивших во многом не только русскую, но и всемирную историю.

Русское пространство в IX – начале XIII вв

Первое, что бросается в глаза при взгляде на Русь XII–XIII вв., – это дробность русского мира. В политическом плане он представлял почти полтора десятка независимых государств. В социокультурном плане они были объединены как минимум в четыре альтернативные модели развития:

1. Южнорусскую и близкую к ней западнорусскую (Киевское, Переяславское, Черниговское, Полоцкое, Смоленское и др. княжества);
2. Юго-западную Галицко-Волынскую;
3. Северо-восточную (Владимиرو-Суздальское и Рязанское княжества);
4. Северо-западную (Новгородская республика, а с XIV в. и Псковская республика).

И хотя все эти модели выросли из Киевской Руси IX – середины XI вв., к 30-м гг. XIII столетия они далеко отошли как от единого древнерусского корня, так и от социально-политического устройства друг друга. Эти модели представляли различные социокультурные альтернативы и были не столько союзниками друг друга, сколько противниками в борьбе за будущее развитие Руси.

Киевская Русь была важной частью средневековой Европы. В IX – середине XI вв. торговый путь «из варяг в греки»,

проходивший по русской территории и соединявший через систему рек и волоков Балтийское море с Черным, приобрел международное значение. Старая морская дорога из Западной Европы в Левант (восточное побережье Средиземного моря) оказалась для европейцев закрытой ввиду мусульманской экспансии, и торговые связи между европейскими странами, Византией и развитым Востоком стал обслуживать путь «из варяг в греки». Пространство вдоль этого пути превратилось в оживленный торговый и политико-культурный перекресток. Это благоприятно сказалось на развитии Киевской Руси, открылись большие выгоды как для местного населения, так и для иностранных купцов-гостей.

Среди последних преобладали скандинавы-варяги. Они и открыли некогда путь «из варяг в греки». Однако варяги быстро утратили роль главных торговых посредников между Западной Европой и Византией. Эта роль отошла к великим князьям Киевским, для которых организация торговых экспедиций в Царьград (Константинополь) и защита русских торговых интересов стала одной из важнейших задач государственной политики. Опорой власти в данном вопросе выступило восточнославянское городское население и славяно-варяжская княжеско-дружинная среда. В IX – середине XI вв. продолжали жить вечевые традиции в городской среде. Великие князья постоянно держали совет со старшей и младшей дружиной, а после 988 г. – и с духовенством.

Роль торгового посредника между Западом и Востоком

принесла Древней Руси невиданные материальные богатства (стоит вспомнить хотя бы тот факт, что страна, полностью лишенная тогда собственных источников серебра, имела денежную систему, в основе которой лежали не монеты, а гривны – слитки серебра весом от 90 до 200 граммов). Не меньшую роль играли и новшества цивилизационного выбора. После крещения Руси в 988 г. образовалась русская митрополия как часть Византийского патриархата. Восточно-христианское влияние определило дальнейшее развитие духовной культуры страны.

Однако, как заметил историк-евразиец Николай Клепинин, «Быстро воздвигнутое и богато украшенное здание Киевской Руси стояло на слабом фундаменте» (Клепинин Н. Святой и Благоверный великий князь Александр Невский. М., 1994). Как только западноевропейские крестоносцы в конце XI в. завоевали Святую землю, они «открыли» и старый 800-километровый морской путь из Европы на Восток, а путь «из варяг в греки», который был длиннее в 3 раза, стал быстро терять свое международное значение. Этому способствовало и еще одно обстоятельство. С середины XI в. торговые суда на волоке в районе Днепровских порогов беспрерывно атаковали кочевники половцы. В итоге к началу XII в. международная торговля потеряла для Руси свое прежнее значение, а сам путь «из варяг в греки» прекратил быть той геополитической осью, вокруг которой вращалось древнерусское единство. Лишь Новгород унаследовал роль регио-

нального торгового посредника между севером Европы, русскими землями, греками и Востоком.

На рубеже XI и XII вв. Русь испытывала серьезный кризис. Она превращалась из оживленного междивизантионного перекрестка в восточную окраину европейского мира и северную периферию церковно-культурного византийского пространства. Причем от Ромейской империи Русь с юга была отрезана абсолютно чуждой и враждебной ей кочевой Великой степью. Раскол западной и восточной христианских церквей (схизма 1054 г.) стал серьезной причиной возрастающей от века к веку отчужденности православной Руси от католических стран Западной Европы.

Угасание торгово-городового уклада заставило древнерусскую княжеско-дружинную элиту в конце XI–XII вв. проявить интерес к владению землей. Повсеместно стали возникать княжеские и боярские вотчины (вотчина (аллод) – безусловная частная собственность на землю), доходы с которых стали теперь главным источником благополучия князей и их бояр. В условиях натурального хозяйства, когда все необходимое производилось и потреблялось на месте, для разбросанного по бескрайним просторам Восточно-Европейской равнины населению исчезла необходимость держаться Киева. Местный князь со своей дружиной обеспечивал порядок на местах и внешнюю оборону. После смерти великого киевского князя Мстислава Владимировича Великого (годы правления – 1125–1132) единое древнерусское

государство распалось на 12 независимых земель.

Политическая раздробленность на Руси в XII – начале XIII вв., как и феодальная раздробленность на Западе Европы начального периода, была позитивным явлением. Она способствовала социально-экономическому, политическому и культурному развитию (к примеру, если ранее Русь знала 2 центра летописания, то теперь их стало 14!). Начался процесс выравнивания развитых волостей времен Киевской Руси и бывших ее медвежьих углов. Причем некоторые из них, в частности, Владимиро-Суздальская земля и Галиция с Волынью, во многом обошли прежних лидеров.

Половецкие набеги, опустошавшие пограничные с Великой Степью южнорусские территории, направили потоки беженцев из Поднепровья на русский север, северо-восток и юго-запад. Развитые в социально-экономическом плане южнорусские переселенцы несли с собой новые земледельческие технологии (примитивное подсечно-огневое земледелие повсеместно было заменено на перелог и двуполье), в новых городах и селах распространялись развитые ремесла, оживилась местная торговля. При этом русский мир, как и прежде, походил на айсберг, на вершине которого красовались достаточно развитые формы средневекового хозяйства и общественного устройства, а огромную подводную часть продолжал составлять архаический пласт, мало интегрированный в экономические, общественно-политические и культурные достижения своего времени.

Особенно велик этот пласт был на северо-востоке Руси, родном для героя нашего очерка – князя Александра Ярославича. Это было прежде всего следствие суровых природно-климатических условий и удаленности от старорусских очагов цивилизации. Однако княжеская власть в лице потомков Владимира Мономаха (его четвертого сына Юрия Долгорукого, его внуков Андрея Юрьевича Боголюбского и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо) извлекла из данных обстоятельств скорее пользу. Княжеская власть пришла в Ростово-Суздальскую Русь раньше, чем русская колонизация сделала этот край преимущественно восточнославянским. В итоге местные князья сразу стали смотреть на Владимиро-Суздальскую землю, как на свою личную вотчину. Большой процент финно-угорских данников среди населения приучил местных князей к властности, которая происходила из права сильного. С другой стороны, местные князья оказались здесь не столько политическими вождями, сколько рачительными хозяевами-собственниками, обустроивающими свою вотчину. Они энергично строили здесь новые города и села, привлекали и опекали переселенцев, бежавших от половецкого натиска.

Присекин Сергей Николаевич. «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет», 1983 г.

Патернализм владими́ро-сузда́льских князей встречал одобрение у населения их княжества, несмотря на то, что уже в княжение Андрея Боголюбского (1154–1174) выступила и обратная его сторона – княжеское самовластие при падении социального статуса населения. Поселенцы воспринимались смердами, получившими землю и право жить на ней из княжеских рук. (Жизнь смерда охранялась по «Русской Правде» вирой в 5 гривен серебра, в отличие от жизни людей, свободных крестьян-общинников, которых, как и рядовых княжеских дружинников, древнерусское право охраняло вирой в 40 гривен серебра.) Естественно, в таких условиях в XII–XIII вв. древнерусские вече́вые традиции, про-

должавшие существовать на юге и западе Руси и усилившиеся на севере в Новгороде и Пскове, не получили развития на русском северо-востоке.

Владими́ро-сузда́льское боярство, небогатое и относительно немногочисленное, не могло конкурировать с княжеской властью ни в экономическом, ни в общественно-политическом, ни в военном плане. Этим оно резко отличалось от южно- и западнорусского боярства, а особенно от галицко-волынской аристократии, превратившейся в сильный противовес княжеской власти, а также от новгородских бояр, которые стали главной социально-политической силой в Господине Великом Новгороде после утверждения там в 1136 г. вечевого строя. Если прадед Александра, первый суверенный правитель Суздальской Руси – князь Юрий Долгорукий (1132–1154), еще как-то поддерживал старинные дружинные традиции, то оба его сына – великие князья владими́ро-сузда́льские Андрей Боголюбский (1154–1174) и Всеволод Большое Гнездо (1176–1212) – уже привыкли видеть в боярах и дружине не сотрудников-вассалов, а подданных и слуг.

Святой благоверный князь Александр Невский.

Контроль над ресурсами и мощный военный потенциал, включавший кроме больших княжеских дружин еще и многочисленное крестьянское ополчение, позволял владими́ро-суздальским князьям вести активную политику как внутри русского мира, так и за его пределами.

К середине XII в. большинство финно-угорского населения Владимиро-Суздальской Руси приняло христианство и смешалось с восточнославянскими переселенцами, Суздальский край окончательно ославянился, но здесь сложился особый, весьма отличный от свойственного Киевской Руси IX–XI вв. менталитет, который в будущем ляжет в основу формирования великорусского народа.

Мы остановились на описании особенностей Владимиро-Суздальской Руси, так как она была родиной Александра. Именно она сформировала стереотипы и систему мышления этого князя, его понимание княжеского долга и права.

Глобальные перемены на Востоке

Тем временем на Востоке в конце XII – начале XIII вв. начались гигантские перемены. Вновь, как во времена великого переселения народов, погубившего античный мир, поднялась Великая степь. Правда, на сей раз, прежде чем двинуться в Европу, кочевники покорили значительную часть азиатского оседлого высокоразвитого населения – от провинций Северного Китая до среднеазиатского Хорезма.

Чингисхан сумел соединить в своей военной империи примитивный быт и простоту общественных отношений степняков, их нехитрый боевой строй с высочайшими достижениями военного искусства Китая и других развитых восточных стран, использовал их экономические, административные достижения. На этой базе в ходе войны и во многом благодаря войне была создана система сильнейшей деспотической государственной власти, которая отличалась еще и завидной гибкостью, способностью к определенным компромиссам по отношению к завоеванным народам. В итоге, вместо того чтобы ослабевать и терять людей по ходу обширных завоеваний, империя Чингисхана постоянно получала новых бойцов. Они перековывались в горниле завоевательных походов в истинных подданных «сотрясателя вселенной».

Государственная идеология империи, сводившаяся к мысли о завоевании «вселенной от моря до моря» (от Тихого

океана до Атлантического), а также известная всем веротерпимость монголов выражали идею единства мира и населявших его народов. По сути, в экспансии Чингисхана, а потом и его потомков мы имеем дело со средневековой попыткой глобализации – в ее азиатско-кочевом понимании. Это была уже не первая в истории человечества попытка построить глобальный, и более совершенный, по мысли его создателей, мир, объединяющий Восток и Запад. Первым подобной целью занялся Александр Македонский – Великий Искандер, как его звал Восток, – чьи подвиги вдохновляли Чингисхана. Тем же целям была подчинена экспансия и Древнего Рима, и Китайской империи. И хотя ни Александру Македонскому, ни Риму, ни Китаю не суждено было осуществить свою глобальную экспансию, сами попытки глобализации рождали державы колоссальной силы и размеров. Эти державы перестраивали всемирную историю, диктуя свою волю соседям и формируя новое геополитическое соотношение сил между Востоком и Западом.

Для периферийного русского мира фактор монгольского вторжения в европейское пространство нес решительные изменения условий существования. Причем органическое внутреннее развитие, включая соотношение сил и степени эффективности различных русских социально-политических моделей, не могло, на наш взгляд, играть уже решающей роли.

Впрочем, последнее есть предмет научных дискуссий. На-

пример, классики отечественной исторической мысли С. М. Соловьев и В. О. Ключевский не склонны были видеть в установлении ордынской зависимости большинства русских земель от Монгольской империи и Золотой Орды фатального значения. По их мнению, ордынское иго представляло собой внешний поверхностный фактор, тормозящий развитие страны, но не меняющий ранее сложившихся тенденций, главная из которых, по мнению Ключевского, сводилась к превращению «Руси торговой городской» в «Русь земледельческую сельскую», что вызвало смещение центра русского мира из Приднепровья к Волге – от Киева к Владимиру на Клязьме. Однако большинство историков, как отечественных, так и зарубежных, вне зависимости от оценки русской зависимости как явления отрицательного (большинство исследователей), неоднозначного (Н. М. Карамзин, евразийцы) или даже позитивного (Л. Н. Гумилев) оценивает воздействие монголо-татарского завоевания и установления зависимости в качестве одного из важнейших факторов дальнейшего развития русской истории.

Если первое поражение от монголов в битве на Калке (1223) еще можно трактовать как следствие несогласованных военных действий и военно-политических ошибок князей Южной и Юго-Западной Руси, то опыт Батыева нашествия на Русь (1237–1241) и антиордынских выступлений (1252, 1262, 1293) наводит исследователей на мысль о том, что русский мир в одиночку чисто физически не имел воз-

возможностей успешно отразить монголо-татарскую агрессию. Эта неутешительная правда должна быть в центре внимания историка при оценке геополитической ситуации вообще и деятельности тех или иных исторических деятелей в частности.

Александр Невский на памятнике «Тысячелетие России».

Западноевропейская экспансия в Прибалтике и русские земли

Глобальная экспансия Азии в Европу пришлась на то время, когда в самом европейском мире шел процесс расширения. Он выражался в Реконкисте в Испании, в крестовых походах на Ближний Восток и на язычников Прибалтики.

До конца XII в. Прибалтика оставалась регионом, заселенным различными языческими финно-угорскими и летто-ливскими племенами, не знавшими государственности. Это облегчало вторжения на их территорию более сильных и организованных соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.